

После того как Ван Дафу закричал во всю мощь, глава патруля Гуань вывел его из камеры. Окружной судья снова вернулся в ямен, и Гу Инь, как жертве с начала процесса, а также человеку, который внес свой вклад в ход дела, посчастливилось занять место в зале.

Лицо Вана Дафу было белым, он обильно потел, и его все еще трясло, когда его привели в суд:

- Я признаюсь, я признаюсь во всем, я только прошу вас спасти мою старую жену. Ей, вероятно, тоже кто-то прислал отравленную пищу...

Идея отправить булочки с кротом принадлежала Гу Инь, но глава патруля не мог реализовать ее, пока не обратился за инструкциями к окружному судье. Окружной судья хорошо знал, что происходит, и сказал:

- Не беспокойтесь об этом, Чжао-ши цела и невредима.

Ван Дафу подумал, что он чуть не умер, и в панике просто признался во всем, но в конечном итоге у него была только одна цель - загрызть Ван Дагуя до смерти!

Он рассказал все, с того момента, как они, два брата, скрыли завещание своих родителей и разделили наследство между собой, и до того момента, как Цзоу-ши предложила идею обманом устроить Ван-ши, которая только что вернулась в город Ханьшань, на работу в морскую судоходную компанию. Когда бизнес Ван-ши и Гу Инь, полагаясь на репутацию старого господина Вэня, стал знаменитым, братья испугались, что старые друзья их родителей могут прийти в город и разоблачить дело с наследством. Это привело к последующим событиям.

Конечно, это был еще не конец. Ван Дафу собирался подать в суд на Ван Дагуя, во-первых, за сговор с бандитами, чтобы навредить его сыновьям, и, во-вторых, за то, что он послал отравленные булочки, чтобы отравить его.

От всех этих заявлений окружной судья схватился за голову. Хотя предыдущее дело об испорченной еде было громким, оно не привело ни к одному смертельному исходу. Незаконное присвоение семейного имущества считалось серьезным, но такого рода споры из-за денег происходили каждый год. Для окружного судьи подобные вещи давно стали обычным делом, и это не шокировало. Но то, что Ван Дафу теперь рассказывал, было гораздо серьезнее. Если это правда, что Ван Дагуй сговорился с разбойниками для убийства, это меняло всю картину и могло вызвать волнение в столице округа.

- Ван Дагуй - это коварный тип с сердцем волка и легкими собаки, он крайне хитрый и изворотливый. Прошу Ваше Превосходительство немедленно задержать его и предъявить обвинение! - сказал Ван Дафу, поклонившись после признания.

Окружной судья ничего не ответил. Не то, чтобы он собирался выгораживать Ван Дагуя, но отравленные булочки были всего лишь констрмерой, а сговор с бандитами, чтобы навредить

делу, не имеет ни свидетелей, ни вещественных доказательств. Когда произошел инцидент, Ван Дафу был заключен в тюрьму, других свидетелей нет, к тому же здесь замешана не только местная семья Ван, но и бандиты из других городов. Такое обвинение было чрезвычайно серьезным, и это дело, очевидно, было ему не по силам.

Он колебался: провести самостоятельное расследование или сообщить об этом начальству? Не зная, как поступить, окружной судья посмотрел на главу патруля Гуаня. Тот думал так же. Если заключить Ван Дагуя под стражу – он откажется признавать свое преступление, нападение бандитов произошло в другом округе, и, возможно, это приведет только к затягиванию времени и к тому, что они напугают змею в траве.

Он посмотрел на Гу Инь. Именно она предложила хитрый план напугать Вана Дафу, чтобы он признался. Был ли у нее другой план?

И у Гу Инь действительно был план.

Тем вечером глава патруля Гуань снова отправился в старый особняк семьи Ван, чтобы расспросить об ограблении, и нашел двух братьев старшего дома. Ван Дагуй хотел тоже присутствовать при этом, но ему не разрешили. Ван Дагую ничего не оставалось, как скрыть тревогу в глазах и вернуться в свой дом.

Цзоу-ши на этот раз тоже нервничала, муж и жена сели вместе и стали обсуждать.

- Бесполезные куски мусора! - Ван Дагуй сердито хлопнул по столу, - Получили от меня столько серебра и не могут даже убить двух безоружных дураков!

Цзоу-ши спросила:

- Так что же нам теперь делать? Собрать вещи и спрятаться? А как же дети?

Ван Дагуй раздраженно сказал:

- Почему ты так говоришь? Женщины действительно ничего не могут сделать! Хотя этим двум идиотам посчастливилось избежать смерти, они не заподозрили меня. Если мы сейчас покинем Ханьшань, это будет равносильно тому, что мы признаемся в преступлении!

- Но окружной судья и глава патруля Гуань...

- Разве у окружного судьи и главы патруля есть власть, чтобы контролировать другие округа? Пока бандиты не пойманы, кто может свидетельствовать против меня? Кроме того, у меня нет никакой переписки с бандитами, и я не посылал никого передавать послания, все было оговорено устно под предлогом ведения бизнеса.

Так как Ван Дагуй всегда был осторожен и внимателен, он мог все сделать сам, не оставив ни единой зацепки. Цзоу-ши почувствовала некоторое облегчение.

- Новости в тюрьме распространяются медленно. Мой старший брат, вероятно, не знает, что двое его глупых сыновей были ранены. Мы настоящие братья, и мы хорошо знаем друг друга. Если бы он немного подумал об этом, он, вероятно, заподозрил бы нас. Таким образом, завтра ты продолжишь болеть, а я возьму на себя инициативу и пойду в ямен сдаваться на том основании, что у меня нечистая совесть. Скажу, что участвовал в том, чтобы подбить невестку семьи Фэн устроить беспорядки на пристани, это преступление не большое, штраф всего несколько десятков лян.

Сказав это, Ван Дагуй вздохнул:

- Увы, если бы мелкие чиновники в ямене не боялись главу патруля Гуаня, я бы дал немного денег, чтобы избавиться от них прямо в тюрьме... Тогда я мог бы быть по-настоящему спокоен.

Муж и жена некоторое время шептались. Услышав, что глава патруля Гуань уже ушел, а два глупых племянника ведут себя как обычно, Цзоу-ши приняла лекарство и легла спать.

В середине ночи Ван Дагуй был внезапно кем-то разбужен. Когда он проснулся, его разум все еще был в смятении, и он вдруг понял, что в комнате есть еще один человек.

В тусклом свете стоял высокий и крупный мужчина в серой короткой куртке с лицом, закрытым маской. В руках он держал палаш с девятью кольцами, с рукояти свисал красный шарф, а на нем крупным иероглифом было написано «9 крепость».

Увидев это, Ван Дагуй убрал с лица испуганное выражение и сердито сказал:

- Что ты здесь делаешь?

Собеседник говорил на ломаном мандарине, смешанном с диалектом, его голос был очень хриплым:

- А ты как думаешь? Из-за тебя мы, братья, страдаем! Теперь, когда это стало большим делом, разве второй мастер Ван не хочет добавить еще немного серебра?

Ван Дагуй раздраженно сказал:

- Вы плохо справились с работой, не можете даже убить двух бесполезных дураков, но при этом у вас хватает наглости приходить ко мне за серебром? Тысяча с лишним лян, которые у них были с собой, уже у вас, не так ли? Мы заранее договорились, что мне нужен только «Ван Юэ Лу»! Разве этого не достаточно? У вас есть хоть капля честности, чтобы называться «9 крепостью» в цзянху? Не говоря уже о том, что они вернулись и заявили в ямен, доставив мне

столько хлопот...

Пока он говорил, последние остатки сна в голове Ван Дагуя исчезли.

Два брата из старшего дома только сегодня прибежали обратно в город, чтобы сообщить в ямен, и дело было заведено только в городе Ханьшань. Как люди из банды «9 крепость» могли узнать об этом сейчас? В свое время главарь банды понес большие потери при главе патруля Гуане, поэтому они перенесли свое разбойничье гнездо подальше от города Ханьшань и осмеливались бесчинствовать только за пределами округа. Как «9 крепость» могла осмелиться прийти сюда?

- Ты, кто ты, черт возьми, такой? Я тебя не знаю! - Ван Дагуй среагировал очень быстро.

Но стоявший перед ним здоровяк просто не обратил на него внимания и, сняв с лица шарф, крикнул в сторону двери:

- Учитель, он понял!

Глава патруля Гуань толкнул дверь и сказал:

- Это не проблема, в любом случае, он сам признался.

.....

Уловка была придумана Гу Инь, но, естественно, не она проводила конкретную операцию. После того, как она придумала этот план, было уже поздно, поэтому она сначала отправилась домой.

Ву Ань уже пришел из школы, Ван-ши приготовила ужин, и даже Гу Е вернулся.

Ван-ши ждала ее с фонарем у входа в переулок и, увидев, спросила:

- Где ты была? Я заметила, что ты весь день не возвращалась, и вечером пошла в ямен искать тебя. Чиновник сказал, что у вас с Гуанем-цяотоу какое-то дело. Если бы я не знала Гуаня-цяотоу, я бы до смерти волновалась. Что вы делали?

- Я помогала в расследовании.

- О-о-о... - ответила Ван-ши и повела ее домой.

Гу Инь вошла в зал и увидела, что еда на столе стоит нетронутой, вся семья ждала ее, так что

она извинилась:

- Я не знала, что будет так поздно, в следующий раз если я задержусь, вы ешьте первыми, не ждите меня.

Гу Е взял ее за руку и сказал:

- Все в порядке, я не голоден.

Ву Ань поддержал:

- Точно, я тоже не голоден.

После этих слов желудки двух малышек заурчали в унисон. Гу Инь рассмеялась и погладила их по головам.

После того как семья поужинала, Ван-ши нагрела воды и отправила детей мыться, а сама, снова и снова колеблясь, открыла рот, чтобы спросить:

- А что насчет твоей помощи в расследовании дела?

Гу Инь не планировала скрывать это от нее, даже если бы Ван-ши не спросила, она все равно рассказала бы ей. Свекровь и невестка сели разговаривать. Хотя Ву Ань и Гу Е были не очень осведомлены о последних событиях, но дети могут чувствовать эмоции взрослых. Приняв ванну, оба малыша не стали их беспокоить и легли спать самостоятельно.

Ван-ши на этот раз не плакала, а только скрипела зубами от ненависти:

- Эти два зверя больше мне не родные. Я просто буду думать, что мой старший брат и второй брат погибли вместе с моими родителями! Завтра я пойду с тобой в ямен, чтобы послушать, я хочу увидеть, как они заплатят за свои преступления!

Затем Ван-ши неуверенно спросила Гу Инь:

- А завтра они предстанут перед судом?

Гу Инь не решилась давать обещание. Глава патруля Гуань расспросил двух братьев из старшего дома об одежде и повадках разбойников, так что они смогли притвориться на 70-80%. Кроме того, согласно статистике, два-три часа ночи - это время, когда сила воли человека самая слабая, так как это время глубокого сна. Даже если сила воли Ван Дагуя была достаточно сильна, чтобы бросить вызов небесам, вряд ли он будет бодрствовать в это время.

Признание из его уст в такое время можно было считать несомненным.

- Завтра мы пойдем и послушаем еще раз. Мама не волнуйся, даже если сегодня ничего не получится, с окружным судьей и главой патруля Гуанем это лишь вопрос времени, когда они признаются в преступлении.

На второй день в здании окружного суда снова состоялось заседание. На этот раз дело касалось имущественного спора богатой семьи - дядя даже нанял бандитов, чтобы убить своих племянников. Описать это простыми словами было уже недостаточно. Это было еще более запутанно и причудливо, чем история, изложенная в пьесе.

Желающие посмотреть на это практически сравнивали порог ямена с землей. Если бы не тот факт, что Ван-ши и Гу Инь выступали истцами, они бы даже не смогли получить место в зале.

Когда Ван Дагуй прибыл в суд, он продолжал утверждать, что в то время еще не проснулся и был в замешательстве, поэтому говорил глупости. В эту причину не поверят даже трехлетние дети, поэтому окружной судья просто проигнорировал его. Не хочешь признаваться? Тогда сначала отведаешь палок, а потом посидишь в тюрьме вместе с другими заключенными.

Во время обычного судебного разбирательства над заключенными окружной судья, конечно, не стал бы использовать этот метод пыток для получения признаний, но к такому коварному злодею, естественно, не было необходимости проявлять милосердие.

Ван Дагуя оттащили в сторону, чтобы избить палками, а Цзоу-ши привели в зал. Чем громче Ван Дагуй кричал от боли, тем бледнее становилось ее лицо.

Ван Дагуй всегда был осторожным и благоразумным, все свои темные дела он проворачивал лично и хвастался, что не оставил никаких улик. Но он упустил из виду Цзоу-ши. Она явно знала о нем все, и на самом деле была лучшим свидетелем.

В мирное время, как мудрый человек, Цзоу-ши, конечно, не призналась бы в преступлениях своего мужа и, возможно, даже потратила бы все свое состояние, чтобы вытащить Ван Дагуя. Но в то время, когда Ли-бутоу притворялся бандитом из «9 крепости», она лежала рядом с Ван Дагуем, слушая его личные признания.

Это все изменило. Чем умнее люди, тем больше они знают, как искать преимущества и избегать рисков. Не дожидаясь пыток, Цзоу-ши рассказала все по порядку.

В наше время ее бы назвали соучастницей преступления, согласившейся дать показания против своих сообщников в суде. В древние времена такого понятия не было, но покаявшиеся соучастники могли получить смягченный приговор. Ван Дагуй и представить себе не мог, что всю свою жизнь был умным и проницательным, но все равно проиграл в руках того, кого презирал больше всего - женщины.

Этот случай был действительно ужасающим. На следующий день приехали чиновники из столицы округа и сказали, что префект видел материалы, представленные окружным судьей, и велел доставить всех в Фучэн для судебного разбирательства.

Обычно окружной судья передавал официальное письмо, и префект мог дать ответ в течение месяца, что считалось проявлением вежливости. Но на этот раз префект действовал быстро. Естественно, он слышал, что дело было крупным, и его хитросплетения уже были ясны, просто не хватало признания заключенного и окончательного приговора. Это практически бесплатный подарок, который добавит заслуг к его политическим достижениям, так что он, естественно, должен был успеть.

Дело было немедленно передано в столицу округа. На суде будет председательствовать префект, а окружной судья и глава патруля Гуань должны сопровождать членов семьи Ван на суд.

На самом деле Ван-ши все еще хотела знать о дальнейшем развитии событий, но дело теперь вышло за пределы юрисдикции города, и речь шла о сговоре Ван Дагуя с бандитами, что не имело к ней никакого отношения, так что она не могла присутствовать в качестве истца. Гу Инь тоже была равнодушна к этому делу, но это было действительно долгое путешествие, и если бы они поехали вдвоем, то неизбежно доставили бы неприятности главе патруля Гуаню.

К тому же дело достигло такой стадии, что вмешаться в него уже не представлялось возможным, поэтому они решили остаться в городе Ханьшань и дожидаться новостей.

Перед отъездом глава патруля Гуань специально приехал, чтобы сказать им, чтобы они не волновались, и заявил, что дело обязательно будет доведено до конца. Он был представителем власти и знал о происходящем больше, чем Гу Инь и остальные, так что эти слова были равносильны тому, чтобы успокоить их.

Рано утром следующего дня семью Ван и других обвиняемых вывезли из города Ханьшань. Еще до рассвета люди собрались у городских ворот, чтобы посмотреть на веселье, приготовившись забросать две пожилые пары Ван гнилыми листьями, овощами и тухлыми яйцами. Некоторые даже несли ведра с помоями, и все они были готовы вылить это на них, но, увидев рядом главу патруля Гуаня и окружного судью, они быстро остановились.

В это время Гу Инь и Ван-ши тоже встали и обнаружили, что Гу Е нет дома. Подумав, что этот ребенок, скорее всего, убежал посмотреть на шоу, свекровь и невестка не стали слишком много об этом размышлять и, как обычно, принялись за работу, устанавливая свой ларек.

Теперь пирс снова стал прежним, бизнес по продаже «Кондже старого господина Вэня» не только восстановился, но и поднялся на более высокий уровень. Посторонние слышали, что в городе Ханьшань произошло крупное дело, но они не знали подробностей, поэтому через несколько дней поползли слухи, что это «Кондже старого господина Вэня» было настолько вкусным, что вызвало зависть конкурентов, и они, не колеблясь, наняли бандитов для убийства.

Представьте себе, как это вкусно! Даже люди, которым это было неинтересно, хотели попробовать знаменитое «Кондже старого господина Вэня», которое чуть не стало причиной смертельного случая.

Слухи зашли слишком далеко, Гу Инь и Ван-ши пытались их развеять, но их не слушали, считая, что они испугались и не хотят создавать лишних проблем.

Нашлись и праведники, которые посоветовали:

- Не бойся, маленькая леди, разве те воры не заперты?! Если другая семья причинит вам вред в будущем, мы все будем на вашей стороне!

- Верно, в прошлом нас чуть не одурачили эти подделки, но после этого мы все знаем ваш ларек!

В дальнейшем Гу Инь уже ничего не могла объяснить.

Если раньше ее кондже продавалось до полудня, то теперь оно не могло продержаться и половины утреннего рынка. Раньше булочки и вонтоны продавались хуже, чем кондже, но теперь из-за всеобщего любопытства и сочувствия к ее семье все спешили помочь ей с бизнесом. В полдень булочки и вонтоны были распроданы, на прилавке ничего не осталось, и люди спрашивали Ван-ши, не продает ли она столы, стулья и скамейки.

- Не продается, не продается! – Ван-ши решительно защитила все свои вещи, закрыла ларек и убежала с Гу Инь на буксире.

Дома Ван-ши вытерла пот и сказала:

- Эти люди такие энтузиасты, они действительно относятся к нам, как к жертвам, которых чуть не убили из-за нашего ремесла. Я надеюсь, что окружной судья быстро и четко рассмотрит дело и восстановит справедливость, а также разрешит это недоразумение.

Во второй половине дня свекровь и невестка отдыхали. Вечером Ву Ань вернулся с учебы, поэтому Ван-ши встала и приготовила ужин. Затем, когда совсем стемнело, а Гу Е не вернулся домой, они вдвоем подумали, что ребенок, должно быть, заигрался, поэтому оставили ему его порцию. После того, как все поели, Ву Ань вернулся в комнату спать, в то время как Ван-ши вместе с Гу Инь сели в главной комнате и стали ждать Гу Е.

На этот раз они прождали до полуночи. Вдвоем они очень волновались и были вынуждены обратиться за помощью к Ли-бугу. Тот искал половину ночи, но не нашел даже тени Гу Е.

Перед рассветом Гу Инь и Ван-ши были так встревожены, что собирались заявить в ямен - хотя окружного судьи не было, в ямене находились чжубу (главный регистратор) и ши-е

(ответственный секретарь), и они тоже могли принимать дела.

Один из ловцов, последовавший за главой патруля Гуанем в столицу округа, вернулся в переулок Цзинъи и сообщил, что через полдня после их отъезда они поняли, что Гу Е увязался за ними. Глава патруля Гуань хотел вернуть его в Ханьшань, но мальчик сказал: «Нет, я здесь по поручению матери».

Глава патруля Гуань подумал, что обычные люди не могут его контролировать. Чтобы мальчик не потерялся по дороге, он просто взял его с собой, лишь попросил подчиненного немедленно отправить сообщение.

Только тогда зависшее в горле сердце Гу Инь и Ван-ши снова вернулось на место.

.....

Судебный процесс по делу семьи Ван начался в столице округа, как и было запланировано.

В это время не существовало никаких прав человека, и нередко людей избивали до потери сознания, не говоря уже о таких, как Ван Дагуй, уже совершивших преступление. Префект был не так мягок, как окружной судья. По его указанию Ван Дагуй был подвергнут пыткам сразу в ночь своего прибытия в столицу. Его пытали бесчеловечно, на теле не осталось ни кусочка целой плоти, до такой степени, когда люди перестают бояться смерти, но мечтают о ней, чтобы получить облегчение.

Ван Дагуй не решился спорить с таким средством и сразу признался. Но, зная, что Цзоу-ши продала его, он указал ее как соучастницу. Цзоу-ши, которую также пытали, заявила, что с ней поступили несправедливо. Муж и жена обвиняли друг друга в суде. После ссоры выяснилось, что они не в первый раз нанимают убийц, и уже использовали этот прием против бесчисленных конкурентов.

Два человека, которые в прошлом пели в унисон, теперь мечтали разорвать друг друга заживо в зале суда.

Префекту было все равно, кто кого опознает. Он стукнул молотком и швырнул доску на пол. Хотите подписать признание первым? Деритесь! Деритесь до победного.

Эти двое оставили свое достоинство и немедленно начали драку.

Дело, которое в городе Ханьшань тянулось несколько дней без окончательного результата, после передачи префекту было завершено через два дня. После завершения дела префект приговорил Ван Дагуя и Цзоу-ши к смертной казни осенью и посадил их в тюрьму в столице округа. Естественно, он бы не позволил окружному судье города Ханьшань забрать себе все лавры, ведь это представление должно быть засчитано в его заслуги. Более того, незаконно

нажитое имущество второй семьи Ван должно быть конфисковано и изъято, а потом, естественно, также должно быть зачислено на государственный счет в столице округа.

Тем не менее префект также признал заслугу окружного судьи и помог ему разобраться с делом старшей семьи Ван. Чжао-ши должна будет вернуться в город Ханьшань, чтобы провести год в тюрьме. Хотя Ван Дафу не знал о нелегальной торговле несвежими продуктами, но, похищая наследство родителей, он оказался безнадежно обреченным. Вначале ему дадут девяносто ударов палкой, а затем оштрафуют, заставив вернуть присвоенное имущество.

Богатства, которые были у стариков Ван на момент смерти, уже не отследить, но их магазины и земельные участки имели подтвержденную историей стоимость, примерно в тысячу лян. Не думайте, что префект был настолько слеп, чтобы не знать об этом — в конце концов город Ханьшань в те времена был не таким, как сейчас, и даже богатые семьи вроде семьи Ван должны были поддерживать отношения с вышестоящими чиновниками, чтобы удачно вести бизнес.

Два брата Ван должны были отдать Ван-ши триста лян. Но имущество второго брата Ван должно быть конфисковано, и префект, естественно, ничего не мог с этим поделать, поэтому обязал Вана Дафу выплатить все серебро.

Триста лян для семьи Ван были огромной суммой денег. Не говоря уже об их текущей ситуации - их сыновей ограбили на 1400 лян и «Ван Юэ Лу» заложен. Это просто опустошило их дом до самого дна!

Услышав такое решение, Ван Дафу и Чжао-ши сразу же потеряли сознание. Но тактику префекта они уже видели, и после того, как их обрызгали холодной водой из ковша, ни один из них не осмелился сопротивляться. С горьким лицом, будто отрывая от себя кусок плоти, они подписали обязательство.

Этот судебный процесс о незаконном завладении семейным имуществом был для окружного судьи своеобразным триумфом. Это было его заслугой, и когда префект отправлял свой отчет выше, он упомянул о нем парой хвalebных слов. Собственно, все прошло гладко, но, когда они покидали город, лица окружного судьи и главы патруля Гуаня были далеки от хороших. Причины, разумеется, очевидны: они были очень недовольны практикой префекта присваивать себе достойные поступки.

Но Гу Е этого не понимал. Он знал только, что плохие парни, причинившие вред его семье, были наказаны, и они получают много денег. Он понятия не имел, сколько это - триста лян, но это, должно быть, намного больше, чем монеты, которые обычно давала ему бабушка.

После возвращения в город Ханьшань окружной судья и глава патруля Гуань вернулись в ямен, чтобы разобраться с документами. Гу Е не мог дожидаться, когда побежит обратно домой, и когда он вошел в дом, он выкрикнул слова, которые готовил всю дорогу:

- Бабушка! У нашей семьи есть деньги, они дадут нам много денег... Изначально это

бабушкино... наследство! Это триста лян!

Ван-ши была ошеломлена. Она знала, что за пределами города Ханьшань чиновники имеют обыкновение есть людей, не выплевывая даже кости. Она никогда не ожидала, что дело пройдет через суд, и она все равно сможет получить деньги.

Более того, сумма в триста лян была слишком велика. Ван-ши никогда в жизни не слышала о таком количестве серебра.

Она недоверчиво поджала губы и спросила:

- Много... сколько денег?

Гу Е собирался ответить ухмылкой, но когда он увидел Гу Инь с холодным лицом и маленькой деревянной палкой в руке, он больше не мог улыбаться и сказал дрожащими губами:

- Три, три... три... три... триста.

<http://tl.rulate.ru/book/79306/3526421>